

Алексей СМИРНОВ

ИМПЕРАТОРСКИЙ ТЕАТР

Алексей
СМИРНОВ

ИМПЕ РАТОР СКИЙ ТЕАТР

МОСКВА **новый** хронограф 2020

Алексей
СМИРНОВ

ИМПЕ
РАТОР
СКИЙ
ТЕАТР

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2=411.2)6-49
С 506

Смирнов А. Е.

С 506 Императорский театр / А. Е. Смирнов – М. : Новый Хронограф, 2020. – 120 с.

ISBN 978-5-94881-475-9

Сборник включает новые стихи, сцены в стихах «Императорский театр» и два эссе. Первое связано с «Рабочими тетрадами» Пушкина, второе – с VI-й главой «Мертвых душ» Гоголя.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2=411.2)6-49

В оформлении обложки использована картина
Жана-Батиста Изабе «Венский конгресс 1814–1815 годов».

ЛИНИЯ И СЛОВО

Эссе

Тот, кому доводилось просматривать факсимильное издание «Рабочих тетрадей» Пушкина, мог убедиться, что каллиграфией блещут в них лишь беловые листы. А самое главное и самое интересное – черновую работу творчества: рождение образов, движение мыслей, переключку рифм – являют собой многократно перечёрканные страницы, заполненные вставками, заменами, сокращениями, перестановками; украшенные звездами чернильных клякс, упавших с пережатого гусяного пера и во всей красе рассыпавшихся мелкими брызгами, поплывших по тряпичной бумаге ручной выделки. Буквенная вязь из черных орешковых чернил уснащает листы вдоль и поперек. Сверху вниз и наискосок. Боком и залезая на поля. А то вдруг тетрадь переворачивается, словно в руках у жонглера, и строчки полетели, полетели, полетели, как бы вниз головой – вверх тормашками! Искушаемый демоном бумагомарания, автор не благоговееет перед чистым листом, не встает перед ним на колени, а борется с ним; не творит молитву чернильнице и перу, а макает его в склянку и давит, давит бумагу измочаленным недомерком с той горячностью, которой требует от него замысел, облачаемый в слова. Гусиное перо давно сократилось в размерах до «оглодка». Исписанное снизу и нещадно изгрызанное сверху, оно едва держится в пальцах, о чем мы знаем от верных людей, подтверждавших, что Пушкин сочиняет так с Лицея. Почему? Жалко тратиться на перья? Или душа горит – некогда чикаться с заточкой нового

перышка? Или хочется осязать текст перстами, подобно Тициану, по легенде выписывавшему самые ответственные детали картин кончиками пальцев?

А если воображение стопорится, сразу в том же тексте начинают возникать рисунки: головы, ножки, торсы... Являются автопортреты, поразительные по сходству, изобретательному озорству и самоиронии: я – ребенок, я – капризуля, я – «герр офицер», а вот взгляните на меня – вздорную девицу Александру Сергеевну; а вот полюбуйтесь мною – щеголем, раздувающим щеки; а вот попробуйте приспособиться ко мне – сварливому старику... Пушкин не продумывает заранее свои тексты, чтобы потом занести их в тетрадь. Нет! Он вызывает их с пером в руке. Он думает с пером в руке. Все делается немедленно, сейчас. Он не знает, какая строчка будет следующей и будет ли вообще. Каждая внезапна как открытие. А если открытие ложное или самоочевидное, оно вычеркивается беспощадно. Когда возникает заминка, автор не бросает пера, он продолжает думать о своем, а перо независимо от его воли рисует собственные сюжеты. Что получится. Бессознательно. Машинально. И в этом вся прелесть! Это графика не отшлифованного школой стипендиата Академии художеств, а самоучки, заполняющего паузу в основной работе – в размышлении над первой строкой, над сотой, над какой угодно или споткнувшегося вдруг посреди строфы и не представляющего как быть дальше... Многие из созданного Пушкиным мы воспринимаем словно спущенное с небес. Оно и вправду спускалось, но вот так – на листы Рабочей тетради – через борьбу сомнительного с верным; точного с приблизительным; отчетливо зримого с туманным; духовной отваги с робостью пера.

Если Пушкин набрасывает профили, то почти все они повернуты носом влево. Анфас или поворот «три четверти» встречаются редко. Скажем, на обороте 74-го листа анфас всего один (молдаванин) и портрет носом вправо тоже один (Гёте), зато левых профилей – косой десяток:

и женских и мужских... Все они устремлены носами влево, как стрелки флюгеров, дружно повернутых ветром. Они толпятся, они жмутся друг к другу, накладываются виском на висок. Чувствуется, что в этот момент ум рисовальщика просто кипит, мысли теснятся, выход из тупика будет найден вот-вот... Автор всегда ищет «то, не знает что». Но когда искомое возникает, он распознаёт его безошибочно. Какое-то внутреннее чувство подсказывает: так! По числу ножек и характеру поз, которые они принимают, можно судить не только об эротических грезах нашего мечтателя, но и о продолжительности его литературной паузы. Чем больше их, тем дольше она. *Когда б вы знали, из какой чернильной пачкотни и графических затей рождалась эта чистейшая поэзия, космическая стройность ума!* Гений безмерен, бесконечен, неудержим. Он ясен, темен, гармоничен, противоречив.

Говорят, что художник изображает мир таким, каким он его видит, а поэт изображает мир таким, каким он его знает. Художник вглядывается в мир, поэт вдумывается в себя. И Пушкин рисует как поэт, вдумываясь в себя. Его графика рождается в момент максимального внутреннего сосредоточения *на другом*. Он рисует совсем не то, во что вдумывается. Да, иллюстрации к тексту сочиняемому на том же листе, иногда встречаются, но их мало. Превалирует другое. Однако именно это *другое* позволяет встряхнуть мысль. Она преодолевает возникшее препятствие, обходит стопор. Раскрепощенному воображению дается новый ход. Бессознательное движение руки приводит к осознанному движению мысли. Здесь срабатывает необычайный механизм психологии творчества, когда линия помогает слову, ничего о нем не зная.

СТИХИ

I

ПРИРОДА

Крепки у дедушки репки.
Крепок табак «Барабас».
Ну, и особенно крепки
Скрепки духовные в нас.

Радуйся, старая кепка!
Как вразумляет Господь,
Ежели что-нибудь крепко,
То уж нельзя расколоть.

Хрупки у бабки скорлупки.
Стёклышки тоже хрупкий,
Ну, и по-своему хрупки
Черных горшков черепки.

Пусть малолетки хохочут,
Им невдомёк еще *ить*:
Кто упрочнятся не *хочут*,
Тех и нельзя упрочнить.

ГУСЕЛЬКИ

Сидит сидень на печи,
Нагревает кирпичи
И с кукушкой на плече
Утопает в куличе.
Трень-брень,
Васильки,
Кто пощиплет гусельки?

Прочь опаску. Пальцем пасху
Тронь, сиделец, как замазку.
Да не пачкай щечки птичке,
Аккуратней девку пичкай.
Трень-брень,
Васильки,
Веселятся гусельки!

Мимо палец не носи,
Как маслѐнку вдоль оси.
Мимо клюва, мимо носа.
Никому не делай косо.
Трень-брень,
Васильки,
То ли дело – гусельки!

Нам бы, ратуй, «трень да брень»,
Быть к пернатой подобрей.
Сколько склонет творожку,
Столько раз и про-ку-ку!..
Трень-брень,
Васильки,
Наигрались гу-сель-ки-и...
И-их!

ОТВАР

Под кадыком расстегнув кителья,
Свистнул в кустах соловей:
«Баба-Яга, навари киселя.
Хочется жить веселей!»

Ягодку волчью в сердцах истолкла
Пестиком абориген
И облучила траву из котла
Глазом, как баба-рентген.

Бронзовой крышкой накрыла котёл
И подложила дровец.
Будет бурёнкам питьё под отёл,
Будет десерт для овец.

Варится месиво,
Парится крошево.
Можно повеситься
Просто и дешево,
Если без мужа хорошего.

Крышку откроешь –
Там бульканье с пением.
Чиркает кореш
То задом, то передом,
Адом едом, нетерпением.

Ишь, егозит
Торопливая птаха!
Пух шевелится
От клюва до паха.
Греется медная плаха.

Яйца драконьи, считай, что пяток,
Вбила хозяйка в котёл, –
Сразу опал боевой кипяток,
Тихие речи повел.

Снова взбурлила кипучая жуть,
Как голодранец в бою.
Слила старуха остывшую муть
В две скорлупы соловью.

Только отвара хватил лиходея, –
Взмыл, закативши глаза,
И полетел вразумлять сыновей,
Капая на образа...

ПЯТЕРО С ВЕТКОЙ УКРОПА

Пятеро с веткой укропа:
Поп и жена его *попа-*
дья. Вол, бодающий *явор*.
Дьявол.

Батюшка веточку прочит жене.
Матушка гладит вола.
Явору вол... ну, а, впрочем же, не
Может испортить ствола.

Вол титулован, и дерево – топ.
Рогом потрогал кору филантроп,
И, отойдя, перевел из-под лоб-
ья очеса на укроп.

Это – момент!
Бережёного Бог...
Лучше убрать бы укроп
Из-под рог,
Чтоб не дошло до обиды.
Кто его знает, какое адье
Не попадье
Дьявол внушит,
А всего лишь волу,
Ворог, который всегда наплаву?
Что за флюиды?

КРЕНДЕЛЬ

По легенде Поле Гендель
Предложил медовый крендель,
Вот как раз медовый крендель,
А не что-нибудь еще.
До чего же был он лаком,
До чего же был хорош,
Крендель с маком, крендель с маком!
В жизни лучше не спечешь.

Но взглянувши на Георга,
Ни малейшего восторга,
Даже капельки восторга
Поля выразила не.
И от кренделя Полина
Отказалась наотрез:
Обойдусь, мол, и помимо.
Не питаю интерес.

Что для дамы толстобровой
Крендель маковый, медовый –
Вензель маковый, медовый?
Вся еда – один укус.
И пошла она под горку
По прогнувшейся тропе,
И оставила Георгу
Только память о себе.

«Значит, зря, – подумал Гендель, –
Я надеялся на крендель –
Буквой «В» медовый крендель,
Не на что-нибудь еще».
До чего же был он лаком,
До чего же был хорош,
Крендель с маком, крендель с маком!
В жизни лучше не спечешь.

ПЕРЧАТКА

Легенда

В Старой Риге, где перьями траурных кляч
Украшать не умели приходы,
Доживал городской косорукий палач,
Пригибаясь под низкие своды.

Всем привычкам, обычаям всем вопреки,
Затаив от пытливых разгадку,
Никогда он с карающей правой руки
Не снимал нитяную перчатку.

Словно в эту перчатку была его жизнь
Влита намертво, неодолимо,
А сорви он ее, а перчатки лишись,
Рухнет всё и покатится мимо.

Проплывал по реке, угасая, закат
На идущих под воду паромах.
Дождь по кровле, фальшивя, бренчал – музыкант,
Не считавший полтона за промах.

И тогда в прирастающей в Рыбах Луне,
Как предвестье, как мрачная греза,
Появлялся в пугающе темном окне
Знак возмездия – алая роза.

И несчастьем грозил этот избранный знак.
А на утро без всяких okazji
Неизменную мзду присылала казна,
Презирая вершителя казней.

От не гревших давно уж белёсых кровей
Был он как-то по-старчески зябок,
И, надев капюшон, поправлял у бровей
Пару прорезей, съехавших набок.

Впечатлительным снился горбатый старик,
Что, земного не ведая страху,
Выходил из дверей, а уже через миг
Попирал заскрипевшую плаху.

Сколько яблок попадало в райском саду,
Сколько выдалось горести кроткой
На земле, не подвластной людскому суду
Между жизнью и смертью короткой!

Но однажды, когда наступила пора
Перемены в Небесной короне,
И Луна, озарявшая Божьи мира,
Начала убывать в Скорпионе,

Проходивший случайно по той стороне,
О кривую споткнувшись брусчатку,
Вместо розы в залитом Луною окне
Увидал нитяную перчатку.

ТАНГО С ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

Во тьму египетскую мы,
Закрыв глаза, поплыли,
И от винта из-под кормы,
Кипя, буруны били.
Одной рукою капитан
Водил штурвал покорный,
И на глаза его туман
Упал повязкой черной.
Упал туман, упал туман.

Мы на ветру, и мы одни.
Ночь образумит нас ли?
Уже сигнальные огни
По берегам погасли.
А киль купался на волне
В разлитом, скользком лаке,
И стало так спокойно мне
В том непроглядном мраке.
Спокойно мне, спокойно мне.

Как будто я узрел тогда,
Что у самой природы
Ее движенье в никуда
И есть венец свободы.
Вот так на ощупь и Земля
По краю звездных лилий
Скользит подобьем корабля
В бесплотной мгле чернильной.
Скользит Земля, скользит Земля.

МЕСЬЕ БЕЖАР
Французская комедия

Куда бежал месье Бежар?
Месье Бежар к Люси бежал,
А добежал и у Люсьен
Он сласти целый улей съел.
Вот так себя не воздержал
Большой шалун – месье Бежар.
Так утверждал свой «позицъон»
Месье Бежар в глазах Люсьён.

А дома – дама, дома – дым:
Мадлен, жена, двум молодым
Дала ключи от во греху
Лежащей спальни наверху,
Чтобы воспользовался бес,
Что оказалась Мадя без
Присмотра мужа, ведь Бежар
С утра на службу побежал.

Тут и явись из ничего
Два офицера ПВО,
Два друга дома: Жмот и Мот –
Читатели газеты «Монд».
Их жены съехали в Дижон,
Был женский фронт их обнажен,
И стрёлки на Мадлен стрелки
Перевели, как остряки.

Меж тем садится на метро
Бежар, накрывшись «Фигаро»,
Как все на свете шалуны,
Спеша в объятия жены.
И в этот, собственно, момент
Пять огнедышащих комет
С небес врезаются в Париж!
Кому подобное простишь?

Кто виноват? Что делать нам,
Таким беспечным шалунам,
Застрявшим в глубине метро
С початой склянкою «Мерло»?
Как проглядели и чего
Прогульщики из ПВО,
Весь день гремевшие ключьями
На чердаке, часов с восьми?

Улегся мрак церковных ниш
На обесточенный Париж.
Уже из горлышка «Мерло»
Не нацедишь ни *фигаро*.
Месье Бежар в метро зажат.
Пожары наверху дрожат...
В седле, как тот Наполеон,
Один Эммануэль Макрон.

ВИДЕНИЕ

Два невыездные еврея
Идут, на аллее чернея.
Один из них в бархатной кипе,
Другой из них в фетровой шляпе,
Как будто снимаются в клипе,
Таинственном клипе о кляпе.
На лицах – Священная Тора,
В ногах – чистопрудная *terra*.
Прошли.
И задвинулась штора.
А, может быть, даже – портьера...

РЫЦАРИ МАЙСКОЙ ТРАВЫ

Эдуард I-й
Владел фермой.
Эдуард II-й
Ходил турой.

Еду ярдами
С Эдуардами
Мимо фермы,
Мимо сетки
В 64 клетки.

Там – корова,
Тут – тура.
Слово верное: «Ура!»

А навстречу
С канистрой «Бордо» –
Дуардо
Эдуард Эдуардович.

По преданиям рыцарской этики,
Если во поле встретились Эдики,
То садятся на майскую травку,
Подстелив домотканую тряпку,
И сначала себя Эдуарды
Прославляют, как старые барды
(Не забыв про отца Дуардо,
Что прислал с Эдуардом «Бордо»)
Зеленеет, как сырная плесень,
По проплешинам всюду трава,
И под музыку доблестных песен
На устах золотятся слова.

Их Величествам в памяти рыться ли?
Без стеснения храбрые рыцари
Пьют, как медики, а для эстетики
Возглашают обильные тосты
За – прекрасно оставленных дам,
Стережущих их рвы и форпосты
Где-то там,

где-то там,

где-то там...

И уже под наплывы волынки,
Под салаты из первой ботвы
Цену каждой помятой травинки
Взыщут рыцари майской травы.
Строго. Как Эдуард с Эдуарда.
И орехи раскроют им ядра.

ФИЛИН

Как захочет, жестяной
Поезд ночью прогрохочет,
Точно филин прохочет
Над твоею головой.

И оранжевый зрачок,
Как над купами оврага,
Сверху выхватит из мрака
Всех, кто спрятаться не смог.

На лету окрасит бровь
И крючок литого клюва
Не раздавленная клюква,
А разбрызганная кровь.

Но спешит сойти на нет
Эхо хохота, и только
Долго-долго, тонко-тонко
Перья снега выются вслед...

БЕГА

Гуляка-отрок дал зарок,
Как штык, слинять с урока,
Как будто есть какой-то прок
От этого зарока.

«Уж если завелась деньга,
На что хочу потрачу!»
И он поставил на бега,
На роковую клячу.

Ударил гонг! Рванули все
Рысистые лошадки,
Что до сих пор паслись в овсе,
Ни валки и ни шатки.

Боец Казбек, вошедший в раж,
И Долли из Ливорно
Вдруг принялись километраж
Перебирать проворно.

Крича, поднялись циркачи –
Компания кутящих:

- Боец, топчи!
- Казбек, скачи!
- Мечи копытом чаще!

И вот – последний бугорок...
Как ветер в чистом поле,
Победы бант вплетает Рок
В шальную гриву Долли!

Китайский шелк пошел на бант,
Как луг в цветочках, весел.
А медный стартовый набат
Язык безмолвно свесил.

Горюй, игрок! Окончен кросс.
А где твоя подруга?
Она давно уже в овес
Сошла без спроса с круга.

Она – счастливая – в овсе
Пасется в поле чистом,
Хоть в нашей Средней полосе
Пеняют пацифистам...

ДВИЖЕНИЕ

Слух трубача валторной ранен,
Ему ли гнаться за стихом?
Как отрок, Игорь Северянин
К стеклу прижался нежным лбом.

Сырой простор ещё аукан
Перекликаньем егерей,
Но мысль летит быстрее звука
И света белого быстрей.

ШЬЮ ГВОЗДЕМ!

Вместо иголки – молоток.
Вместо нитки – гвоздь.
Шью гвоздем!

Вбиваю по шляпку в мягкую древесину.
Обратите внимание на кучность попаданий.
Все пальцы целы.
Отличный глазомер.
А строчка какая!
Шью гвоздем.

Приколачиваю штакетины к слеге горбатой.
С маху. В три удара.
Где-то между Восточным и Западным Берлином.
Чтобы ни однамышь... шь...шь...
Шью гвоздем.

Приколачиваю штакетины к слеге корявой.
Где-то между Северной и Южной Кореей.
Чтобы ни однамышь... шь...
В локоть – отдает. Плечо – ноет.
Уже криво, но шью гвоздем.

Приколачиваю штакетины к слеге не ошкуренной.
Где-то между Америкой и Мексикой.
Да не сойти мне с места!
Гвоздей до страсти. Еще ящик подтащили.
Чтобы ни однамышь...
Шью гвоздем.

Приколачиваю штакетины к слеге треснувшей.
Где-то между Россией и Украиной.
По шляпке попадаю через раз.
Ладонь в мозолях. Кисть затекла.
Локоть гудит. Стонет плечо.
Чтобы ни одна...
— А чо, хлопци, цэ за такэ?..

А потом топаю вдоль заборов с обратной стороны
И отбиваю приколоченное...
И отбиваю... Отбиваю...
Штуку за штукой,
Штуку за штукой...

Расшиваю.
Подныривайте под слги!
Шныряйте между!
Спешите, пока не отдохнула рука
Шьющего гвоздем.

II

ВОРОБЕЙ

Прохудился лапоток,
Надорва́лось лыко.
Взял хлебнуть вина глоток,
Оказалось – лихо.

На болоте стонет выпь,
Под водой овраги.
Забоялись в нашу глыбь
Заплывать варяги.

Не беда, что села дверь,
Да и дождик часто,
А беда, что всё теперь
Поделилось на сто.

Крошку клюнь у Игорька,
Воробей-воришка.
Игорьку она горька,
а тебе – коврижка.

КОСМОС

Недоступные пространства,
Чужедальные места
Непригодные для странствий
Нам открылись, как с моста.
Толку чуть, а сколько риска?
За водой ходить не близко.
Лишь туда сто тысяч лет
Да сто тысяч лет оттуда
Свет летит... Представьте: свет!
Разве выдержит посуда?
Вся рассыплется, пока
Донесет кувшин рука.

КОЗЬМА ПРУТКОВ

Хвалю себя за то, что смог.
Поднялся. Выдержал. Осилит.
Не жду похвал от тех, кто взмок,
Поросши мохом, как осинник.

Не «мохом», говорят, а мхом.
Да пусть хоть чем!.. В лучах сияя,
Я возвожу себя на холм,
И на холме хвалю себя я.

Потейте, хмурые козлы!
Вы всем горазды ставить «двойки».
От вас дожدهшься похвалы,
Как молока от вашей дойки.

ДЫМ

Старики колдуют в дыме,
не считаясь с молодыми.

Молодые по утрам
не спускают старикам.

В дыме дума,
в думе дуб,
в дубе штаб,
а в штабе труп.

Думный дьяк кадит со звоном
по фазендам и по зонам,
а подельники к нему
пробираются в дыму.

В дыме дума,
в думе дуб,
в дубе штаб,
а в штабе труп.

На дубу бунтует молодежь:
— Мы не жёлудь! Мы не жёлудь!
Чтоб отвес у вас отвис!

Нам ли падать сверху вниз?

В дыме дума,
в думе дуб,
в дубе штаб,
а в штабе труп.

— Эй, штабные! От перчатки
Оставляли отпечатки?

Признавайся, царь-горох.

— Всё в порядке, чтоб ты сдох!

В дыме дума,
в думе дуб,
в дубе штаб,
а в штабе труп.

КАЧЕЛЬ

Кач-ни

качельку детскую
для самой ребятни,
морскую жизнь кадетскую
попробуй, репетни.

Без курева, без тырева
пацан подсел на мель.
Туды его, туды его,
туды его в качель!

Он рвется в бой, а главное,
что страху ни на грамм.
Пора проситься в плаванье
к старшóму по штормам.

Хоть Мидия, хоть Индия –
пьянил бы качки хмель.
Не плач в платочек, Лидия,
туды его в качель!

Когда ж он накачается,
причисленный волнам?
Пришла пора причалиться
к обратным берегам.

Раздвинься, койка плоская,
скрипучая постель.
Ликуй, подружка флотская,
туды его в качель!

Да не у всех получится
бродяжить, осмелев,
И кто тогда поручится,
за то, что прав припев?
 А если где беспаятный
 Емеля из Емель
 Всю жизнь
 сидит,
 что каменный?..
Куды ж его в качель?!

АРАП

Кипящим черным кофе парашют
залил арап. Другого не сошьют.
И строп других ему не расплетать.
Придется на ошпаренных летать.

Когда увидишь купол в синеве,
изогнутый, как парус на Неве,
кричи, бросая шапку на шарап:
— Смотрите, смотрите...
Смотрите, как летает наш арап!

Таких разводов от кофейных мет
ни у кого на свете больше нет!
А кто бы изо всех воздушных сил
Красивей, красивей...
Красивей парашютный шелк залил?!

ЧАСОВОЙ

Плевочек замерзает налету.

Ату!

Плевочек замерзает налету.

Ату!

Плевочек замерзает, ёлки-палки, налету.

Ату его! Ату его! Ату!

Под елью распушает часовой

Совой,

Под елью распушает часовой

Совой,

Все перья распушает, ёлки-палки, часовой

Седую заполярную совой.

А командиру жарко. Он в тепле,

В дупле.

А командиру жарко. Он в тепле,

В дупле.

А командиру жарко, ёлки-палки. Он в тепле,

Потеет в охраняемом дупле.

А ёлка устремляется в зенит.

Звенит!

А ёлка устремляется в зенит.

Звенит!

А ёлка, право слово, устремляется в зенит

И от морозной дрожи аж звенит!

Тесина бессловесная, как хошь.

А всё ж...

Тесина бессловесная, как хошь.

А всё ж...

Тесина, право слово, бессловесная, как хошь.

Ан и тесину пробирает дрожь.

Тем более, под ёлкой часовой
Живой.

Тем более, под ёлкой часовой
Живой.

Тем более, под ёлкой, право слово, часовой
Дрожмя дрожит, от стужи чуть живой.

Начальник рожу кажет из дупла –
Кругла!

Начальник рожу кажет из дупла –
Кругла!

Начальник рожу кажет, ёлки-палки, из дупла –
Из самого нагретого тепла.

«Эй, на часах! Чего там так дрожит,
Рашид?

Эй, на часах! Чего там так дрожит,
Рашид?

Эй, на часах! Чего там, ёлки-палки, так дрожит?
Кто заскучал по карцеру, Рашид?

А то могу свободно суток пять
Дать...

А то могу свободно суток пять
Дать...

А то могу свободно, ёлки-палки, суток пять
Любому напросившемуся дать».

Рашид пальнул, чтоб ёлка не трясла
Дупла.

Рашид пальнул, чтоб ёлка не трясла
Дупла.

Рашид пальнул, чтоб ёлка, право слово, не трясла
Большого командирского дупла.

И покатилося эхо по лесам,
Долам.
И покатилося эхо, по лесам,
Долам.
И покатилося эхо, право слово, по лесам,
По самым необстрелянным долам!

Спроси пальбу: а что она дала?
Дела...
Спроси пальбу, а что она дала?
Дела...
Спроси пальбу, а, право слово, что она дала?
Лишь только ротный выпал из дупла.

КОЗЫРЕК

Козырек ты мой облупленный –
Молодецкая душа,
От красы твоей загубленной
Не осталось ни шиша.

Но не хнычь, козырь угробленный,
Я в игру тебя верну,
Лишь кепарик покоробленный
По-вратарски разверну.

Ах, ты, поле – рвы да ямочки,
А по краю – косарек...
Не возьмешь ты нас за «яблочки»,
Не согнешь за козырек.

ВАРИАЦИИ НА ТЕМЫ

ПОЗАБЫТ, ПОЗАБРОШЕН...

Позабыт, позаброшен,
В Перестройку рожден,
Отца-матери лишился,
Дважды был осужден.

Первый раз я забрался
На стекольный завод.
Хотел вынести за ворота
Пачку битого стекла...

А вторично попался
По карманным делам.
На заправке у богатых
Был с поличным я взят.

Мне судья Вострякова
Доказала, что – вор,
И при всех зачитала
Строгий свой приговор.

Говорят, апеллируй,
Парень, к большому суду,
Чтоб хотя бы на немного,
А скостить строгача.

Я от питых и етых
Снисхожденья не жду,
Среди битых, раздетых
На этапе умру.

И отправлюсь в те кущи,
Где не щелкает кнут;
Где за срок мой текущий
Меня не попрекнут.

Ну, а здесь, поминая
Проходивший этап,
Отпоет меня в мае
Соловей – Божий раб.

НЕ ОСЕННИЙ МЕЛКИЙ ДОЖДИЧЕК...

Не осенний мелкий дождичек
За окошком шелестит,
То жена да мужу плачется,
Вопрошает, не шерстит:

«Ты, супруг мой, Богом даденный,
Что ж ты делал? Где ты был?
На «Порше» со смятой впадиной
С кем ты время проводил?
И с кого под частым ельничком,
В темном лесе одна
Обметал домашним веничком
Снег святого Покрова?»

Отвечал супруг единственный,
Богом даденный навек:
«Я возил старушку бедную
К докторице за сто верст.
Заблудилась «Помощь скорая»
По распутице впотьмах,
И пришлось везти мне бабушку.
Вот и вся моя вина.»

Обняла жена помощника,
Усадила на кровать:
«Ты мой фонд Благотворительный,
Всех тебе бы окормлять...
Будешь кашку? Хочешь пышечку?
Слышишь? Чайничек шумит?..»

Не осенний мелкий дождичек
За окошком: шу-шу-шу...

ОТРАДА

Живет моя отрада
Среди больших папах
В молочном переулке,
В кисельных берегах.

Там сторожá у входа,
В ушах «жучки» трещат,
Но мне ли молодому
Сворачивать назад?

Я умыкну красотку,
Минуя сторожей,
И нас поднимут в небо,
Сто тысяч лошадей.

Возница не в обиде,
А ночь черней чернил.
Хватило б только прыти
У лошадиных сил!

БАРЫНЯ

Ходит мякоть
По крыльцу,
Хочет вмякать
В хлипотцу,
Хоть не очень
И хотя,
Два размоченных
Лаптя.
Как же этой мякоти-да
Выползать по слякоти?
Научи мя, барыня,
Барыня-сударыня...

Паду навзничь
В ширину!
Месяц на ночь
Шевельну.
Нелюдима
И тускла,
Пропади, моя
Тоска,
Взвейся в небо дымкою-да,
На струне дотрынкаю.
Отпусти мя, барыня,
Барыня-сударыня...

МАТЬ-ЭЛЕКТРИЧКА

Мы родились от трех матерей –
Я и Лиза, меньшáя сестричка.
Мать Мария качала детей,
Мать-Россия и мать-электричка.

Пассажиры! Взгляните на нас,
На меня и сестру мою Лизу.
Как чужих, нас уволил Кавказ,
И прибалты с нас требуют визу.

Мать лежит у церковных ворот,
А Россия – на койке больничной.
Не найдется ль у вас для сирот
Что-нибудь от душевности личной?

ТИТИ-МИТИ

*На острове Таити
Жил негр Тити-Мити,
Никто не знал, простите,
Откуда взялся Тити.
Ни с кем он не был в браке,
А брил капралам «баки»
И, завивая кудри,
Выведывал про всё.
— Вот молодец какой!
— Вот молодец какой!
— А кто, скажите, его отец?*

Подверженный икоте,
Всегда в большом замоте
Кружил он на «Тойоте»,
Как лещ в водовороте.
И видит шеф Генштаба
Полковник Абу-Даба:
Клиенты с Титей бают,
А тайны-то тю-тю...

— Ай, негодяй-подлец!

— Ай, негодяй-подлец!

— Узнать бы только: отец-то кто?

Акулы контрразведки,
Находчивы и метки,
Плюс мелкие креветки,
Шустры по части сметки,
Подыскивали нити
К салону Тити-Мити,
Но не было хитрее,
Чем этот брадобрей.

— Вот молодец какой!

— Вот молодец какой!

— Так и не выдал: а кто отец?

Тогда колдун окрестный
В свободный день воскресный
На площади не тесной
Развёл костёр древесный.
И вызнал, как хотите,
Что данный Тити-Мити –
Микитин, дядя Тима
И Митрич по отцу...

— Ай, негодяй-подлец!

— Ай, негодяй-подлец!

— Кто мать, не знаем, а папа – вот.

Я против славы склизкой,
Но на Большой Никитской,
Гравёр, простой запиской
На мраморе оттискай:
«Здесь жил, пока не помер,
Агент Десятый номер
По кличке *Тити-Мити* –
Микитин Тимофей».

III

РИМСКИЙ МАРШ

Впереди идет начальник –
Тела тучного качальник
Генерал-майор Помпей.
В орденах его купальник,
Прицепились, как репей.
А воинственный кураж
Бьет Помпея, как мандраж:
«Саботажников и трусов –
Без раздумия в тираж!»

Ать! – сандалия-подошва,
Послужила б ты подольше.
Два! – на икрах ремешки.
Маршируют дальше-больше
наши лучники-стрелки.
«Разрази нас Божий гром,
Все провинции вернем,
Все ковры на частных виллах
До пылинки протрясем!»

Бравой армии куратор,
Принимает Император
Марш-парад своих вояк.
Он зубаст, как аллигатор,
И заботлив, как свояк.
И кричат вояки: «Ай!
За тебя готовы, Гай
Юльевич, в командировку
На любого света край.

Кем обижен ты? Короче,
На кого мы зубы точим?
Оскорбляет кто твой взор?
Вскрылись факты?» Впрочем?.. Впрочем,
Это всё, конечно, вздор.
Ничего такого нет.
Твердо знают галл и швед:
Наш народ миролюбивый
Не накличет этих бед.

СТАРЫЙ ГЕРБ

Клюв профилем на Запад,
А на Восток – другой.
Лежит держава в лапах
И скипетр золотой.
Как вылупились – взвесьте –
Из одного яйца,
Так и дежурят вместе
Два хищных близнеца.

Вороной их обкаркай
И сворою облай,
Зови судьбу Макаркой,
Подавшись за Валдай,
Пока воры в фаворе,
А пахари голы,
Ширяйте на просторе,
Сиамские орлы!

ЗАПАРКА

Презик пашет, Патрик служит.
Над асфальтом скрип галер.
Вёсла воду мутят в лужах
Антидопинговых мер.
Утирают пот магнаты.
На горе ревет ишак.
За маржой стоят сенаты –
Акробаты на ушах.

Патрик служит, Презик пашет.
Недра льются в погребя.
Ба! Святое дело наше,
Только и оно – труба.
Баламутят дальнобои.
Ждет Антихриста Чита.
Лезут цены на обои.
Не клеится ни черта.

Презик пашет, Патрик служит.
«Сушки» сыплют на Восток.
По большому делу кружит,
Кто по малому не смог.
Все в запарке, все в работе.
График тверже, чем самшит.
Дяди, дети, тяти, тёти...
Даже спикер не смешит.

Патрик служит, Презик пашет.
Все снуют туды-сюды.
Чайка крыльями помашет
И садится на суды.
Все в работе, все в запарке.
Мысли только об одном.
Пахнет так, как в зоопарке
Или в цирке на Цветном.

ВСЕ НА РЫНОК!

Стальные тянет «нити»
Катушками кантора
И золотые слитки
Вставляет в пасть патрона.

Один – по шейку в нефти,
Другому пахнет газом.
Уходит третий в нети,
Седьмой скребёт алмазом.

Пока не заложило
Ни ухо, ни в затылке,
Два суперстарожила
Сражаются на рынке.

И с собственной интригой –
Высоких зрелищ зритель –
Пикирует над Ригой
Французский истребитель.

РЕЖИМ

Мать велит с кровати встать,
Сесть на стул, а плед не мять.

Батя говорит, что стул
Не на то, чтоб ножки гнул.
Стул стоит для красоты,
А сидеть ходи в кусты.

Брат глядит на потолок,
Гриф щекочет за колок...
Вот настроит и решим:
Нужен нам такой режим?

ЛЕНТА СТРОФ

СВОБОДА СОВЕСТИ

- Скажите, Жанна, где ваш Гоги?
- Он на молитве. В синагоге.
- Ну, а куда девались дети?
- Они в мечете.
- А дед? (Одет не по погоде...)
- Он в пагоде.
- Все на свободе!
А бабушка? Там, где и дети?
- Не угадали... В оперетте.
- А вы-то кто в своем лице?
- Я? Прихожанка РПЦ.

БОЛЬШОЙ СПОРТ

Пёс осип, а Ёса нет.
Так его питали.
Лысы крутят *лисанет* –
Лысые педали.
Пузырясь, вскипает даль:
Облака ли, пена ль?
Жми пятой, дави педаль,
Впарь им пыром *пендаль!*

От «крюка» в семнадцать пуд
Кавуну нокаут.
Всем желающим – капут.
Процветут, но канут,
Как арбузы на мели,
Треснув от теплыни.
Полосатики мои,
Ягодки степные...

ПОЧЕРК

— Кто Каряка?
— Я Каряка.
— Это подпись? Нет. Каляка.
Ваш квиточек?
— Мой квиток.
— Ваш виток
И закоряка?
Повторяю: почерк чей?
Распишитесь *разборчей!*

«РОСКОС»

Выступал начальник всех.
Говорил, порубит
Тех, кто тянет нас назад,
У кого большой оклад
И хороший аппетит,
А ракета не летит
И летать не любит.

ИДИЛЛИЯ

Ребятня играет
В прятки,
По кустам мелькают
пятки.

Бабы млеют
При пекарне.
Баб лилеют
Глазом парни.

А в болоте
У реки
На свободе
Старики

Чешут лысины
В крестины,
Тянут истины
Из тины...

СУЛЕЙМАН

Сулейман, а Сулейман?
Что ты ходишь на лиман
К Софе?

Там же старый Соломон
Тебя выжмет, как лимон,
В кофе.

Ты увел его безмен,
А вернуть забыл? Спортсмен...
«Профи».

ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ КОМАНДИРОВКА

— До субботы я буду у Дине
С полуротой работать на льдине.
К воскресенью обратно вернусь
И рассею сомненья,
Верусь.

ГОНКА

Всей упряжкой друг за дружкой,
В бликах солнечных пятнисты,
Завиваясь мелкой стружкой,
Мчатся велосипедисты.

Промельк. Вспышка! Промельк. Вспышка!
Чёт и нечет мечет бес ли?
Звонко щелкнула задвижка!
Взвились. Канули. Исчезли.

IV

ДЕРЕВНЯ

Крепостное право. Постное житьё.
Вся-то слава-пава – скука да нытьё.
От родного крова губы не криви.
Правда, что у Прова рукава в крови?

Принялись колхозы прошлое корить.
Потекли обозы города кормить.
Как от дум корявых станут веселей
Два мешка дырявых, мерзлых трудодней?

Всё, что насажали, выпряли из прях,
Города сожрали, износили в прах.
Кончен пост советский. Вычищен компост.
Начат постсоветский, молодецкий пост.

О колхозе-стерве больше ни гу-гу.
Разоренный фермер утонул в снегу.
Утопил свой трактор с горя подо льдом.
Человек как фактор пытан на излом.

Что же не сложилось, где же не сошлось,
Недосовершилось, переизвелось,
Если пашню, меря, отревев ревя,
Превратило время в поле ревеня?

РОКИРОВКИ

I

Твердый и стойкий,
Скрытный, как клад,
Во время с койки
Встал депутат.

Тут его Дуня,
Там его долг –
Царская Дума.
Щелкнул и смолк.

Воздух партийный
Влажен и сух.
Всюду спортивный,
Творческий дух.

Спикер, как шкипер
Или монтер,
К публике выпер,
Тёрт и матёр:

«Чтобы работу
Не хаял бездельник,
Будем субботу
Справлять в понедельник».

«Любо! – кричит за окошком народ. –
Пару суббот подарил нам приход».

«Сушку – еноту
И шиш вам – под ельником!
Выход в субботу,
Как по понедельникам.»

II

К новым дебатам
Взывает набат.
За депутатом
Встает депутат.

Только сердита
Вплоть до нутра
На фаворита
Дуня с утра.

«Кто же, позорище,
Столько часов
Тратит на сборище
Всех косяков?

Пользуй хотя бы
Вату для ух...» –
Нос ей оттяпай,
Творческий дух!

Трудится шпикер
Или спикёр,
Голос на хрипе,
На́ слово скор:

«Чтобы работу
Оставить работе,
Будем субботу
Гулять по субботе».

«Любо! – кричит за окошком народ, –
Нашу субботу вернул нам приход.
Вот и кирнём
С твоим, Дунька, позорником
И рокирнём
Воскресенье со вторником!»

ДОБРЫЙ ПАСТЫРЬ. ОБЪЯВЛЕНИЯ

Всякую пядь, магометанами мощеную,
Освящаю.

Никому не завидую.
Исповедую.

С одетых в парчу
Снимаю порчу.

Заработавшим на орехи
Отпускаю грехи.

Трудящихся при чашобе
Причащаю.

Всем желающим даю прогноз
И канонизирую.

ВСАДНИК

Я увидел хлыща
На лошадке,
Он скакал без плаща
По площадке.

 Был наездник,
 Как хлыстик, лощен;
 Как наместник,
 Собой поглощен.

Всадник тощий,
В седле костеневший,
Много площе,
Чем тень по стене вширь,
 Он считал себя главным
 И тут,
 Но труху его лавры
 Метут.

То ли дело
Гнедая лошадка:
Смотрит смело,
Знакомится кратко.
 Как махнет баловница
 Хвостом,
 Как поставит копытце
 Мыском!..

МЕНТАЛИТЕТЫ

Мюнхен. Кто ты и кому ты,
Хоть вся грудь – медали?
Шеф подъехал: ни минуты
Никого не ждали.
Ни Алана, ни Алины,
Даже австралийца...
От немецкой дисциплины
Можно застрелиться.

Ереван. Поездка в горы.
«К десяти, как в кассу!»
Тары-бары, разговоры,
Пересуды-перекоры,
Целовня, объяття, ссоры.
Ары завели моторы
Ладно, если к часу.
По пути ловили зайца,
Пропустили ужин...
От такого разгильдяйства
Гигнешься не хуже.

СЛОВАРЬ

А. А. Зализняку

Умный, заумный, думный, бездумный,
Благоразумный, тяжелоумный,
Битумный, чумный, полубезумный,
Тупо- ли, скудо- ли, остро- ли умный,
Шумный, аквариумный, полоумный,
Электровакуумный, хитроумный,
Липко-линолиумный, слабоумный,
Опиумный или высокоумный –
Всякую Богохранимую тварь
Вытерпит русский словарь.

АЙБУЛЛИТ

К. И. Чуковскому

Хоть коньки и коротки,
Резво режут горбунки,
А под ними,
Озорными
Полошатся окуньки:
То ныряют,
То шныряют
Подо льдом среди реки.

Катит дедушка Корней –
Командир своих «коней».

Мы клюку ему подыщем.
Щелкнет клюшкой по льдицам,
Шайбу в берег запульит
И поднимет зимний ворот
Наш любимый старый форвард,
Добрый форвард Айбуллит!

23 ДЕКАБРЯ

Свет удлиниться смог
На волосок, на зёрнышко, –
Нет! – на потешный скок
Проворного воробышка.

«Не испугай его, –
Просила мама Нюточку. –
Денёк подрос всего
Лишь на одну минуточку.

Он – гномик под окном,
Его не видно из дому.
Рисуй как машет гном
Шапчонкой дыму сизому.

А кончишь рисовать,
Неси каляку к Алику
И чуть порозовать
Кармином щечку карлику».

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

А. К. Саврасову

По весне прилетали грачи,
На снежок опускались опухший.
А под солнцем пеклись кирпичи
Колокольни, чей колокол пушкой
Канониру пронять не сумеь:
Крепко спит колокольная медь.

То опять продолжали морозы
Мучить ветки и бить по ручьям,
Доставляя не мало мороки
Разыгравшимся было грачам,
Чтоб летели обратно на Крит,
В край, где Флорою стол им накрыт.

То нахлынет теплынь, будто к маю,
С грязью розовый снег размешав,
Призывает не рыпаться стаю,
А дождаться цветения трав.
Смена этих внезапных причуд
Повергала в смятенье пичуг.

И они волновались, решая,
Задержаться ли в снежном плену,
Где никак полусонный Гришаня
Прозвонить им не может весну,
Иль обидеться (Бог их простит)
И податься на солнечный Крит?..

У РЕКИ

Чу!

Дождик шлёпает по речке –
Веселый, мелкий, золотой:
Мол, чу! Молчу.

Кручу

Колечки

По ряби солнцем залитой.

Чу!

Тренируясь у реки,
Вприсядку ходят гусаки –
Пустяк,
А взвить не могут в синь
Косяк
Гогочущих гусынь.
Их твердь земная тяжелит,
К ней ласты липнут, как магнит.
Они не дѣйки, а домашни,
Вся их мечта – дойти до пашни.

Чу!

Дождик мечется по речке,
Мешая развариться сечке,
А речка студит котелок,
Шипя и тычась, как телок,
В горячий бок,
В речной песок
Наискосок,
И пробка – чпок!

Тут вновь уместно кликнуть:
Чу!
Я пригласить давно хочу
Случайно встреченных гостей –
И дождь (лети, стучи, усей!),
И речку, полную затей,
И стаю в семеро гусей,
Скребя остуженную медь,
На чудом сваренную
Снедь!

ЖЕЛАНИЕ

Раз водичка, надо бечь.
Ну, хотя б разочек
Проберись, попробуй втечь
В кругленький глазочек.

Как-нибудь похлопочи
И прорвешься – о-па!
Что-нибудь полопочи
Из времен Потопа.

Ты ведь тоже там была,
Заливала хворост.
Не ссылайся, сдав дела,
На почтенный возраст,

Что уж нету силы бечь,
Орошая страны;
Что одно желанье – лечь
И забыть про краны.

ПРОСТРАНСТВО

От старого мира досталась нам весть,
Доступна лишь разуму старца:
Пространство внушаемо, как оно есть.
Злоречью не выдай пространства!

Сулите удачи, желайте добра,
Всех благ и семейного лада,
Спокойного моря под солнечным бра.
Без мрака, без мора, без глада.

КОСМИЧЕСКАЯ ПИРАМИДА

Земля подчиняется Солнцу –
Заложница солнечных драм,
А Солнце – Большому посольству
Миров, не раскрывшихся нам.

Миры в их громаде блескучей
Несут свой вселенский оброк.
Вселенной же властвует случай,
А случаем ведает Бог.

ТОСТ

Друг, принеси харчо! Жива ль его парча?
Я знаю, нынче стол обильней, свечи ярче,
А вспомнишь о былом – и слезы в три ручья,
Но счастье, что никто их не увидит, старче...

Друг, принеси еще из холода, из тьмы,
Из ветхой древности, гнездящейся в подвале,
На славу давленный в преддверии зимы
Веселый виноград селенья Цинандали.

Есть сроки подлинней, чем час временщика.
Вновь зацветет лоза, разбрасывая плети.
Друг, принеси харчо, и высохнет щека,
И мы поднимем тост за наши сто столетий!

ИМПЕРАТОРСКИЙ ТЕАТР

Сцены

ПЕТР I. ПРИКАЗЫ

1.

Двух генералов-чинодралов
Сослать на поиск минералов
В район Уралов.

2.

Трех поварят (еще не воров)
Взять в повара без разговоров
И лишних споров.

3.

С пяти причаленных фрегатов –
Венецианских делегатов
Навить канатов.

4.

Султану выдать по программе
Две тыщи шведскими деньгами.
Считать мешками.

5.

Ворюгу Меншикова-князя
В канале изловить, как язя,
Не то свиязя.¹

6.

С чухни напрасно столько драли.
Самим и править все детали.
Не чуем али?

7.

Жидов в Литве прижать налогом.
А кто вильнет – по синагогам
Грозить острогом.

8.

В Москву пускай песок и камень
Для засыпанья рвов и ямин
Везет крестьянин.

9.

Монашкам, скрывшимся по кельям,
Велеть заняться рукодельем
За их бездельем.

10.

Двум грекам, если не иуды,
Добыть серебряные руды
Под наши ссуды.

11.

Квартет заезжих музыкантов
Проверить на предмет талантов.
Пока без грантов.

¹ Утка, не то селезень.

12.

Пожаловать вознагражденье
Всем за полонное терпенье
И за раненье.

*Сам выбирающий фарватер,
Ваш Благодетель и Куратор
Петр, Император.*

ЕКАТЕРИНА II. СЕМЕЙНОЕ

— Гриша, пожалуйста, здесь не кури,
Я же читаю письмо от Мари.
Ты мне мешаешь.
Где хочешь, там шаришь...
Оголодал? Погрызи сухари.

— Матушка, я не какой-нибудь хлыщ,
Чтобы обшаривать в поисках пиц
С Вашей софы
Ваши шкафы.
Как Вы подумали?
— Вот и не рыщ!

Только что здесь из двенадцати блюд
Ты разыграл мне испанский дебют.
— Слава, что сел.
Как и не ел...
Ваши часы меня скоро добьют.

Если мы ночью не спим до пяти,
Я не в ответе за свой аппетит.
— Ну, прекрати...
Как до пяти?
Это не почерк, а просто петит!

— Или не жалко ломать Вам глаза?
Почт, что ни день, почитай, два воза.
— Ладно уж, Гриш,
Ты-то глядишь
Полные дни на одни образа...

— Если б Господь не поставил предел,
Втрое Амуру бы задал я дел.

— Очерк прекрасный,
Почерк ужасный.

— Я и не так бы для Вас порадел...

— Вот и пожуй перед сном корешок.

Только пожуй не спеша... Хорошо?

В Лондоне Смит

Вышел на стрит

И увидал на Луне – колесо...

— Кто же туда колесо положил?

— Боже! Париж раскален, как Алжир.

Пишет Мари:

Плюс сорок три!

— Матушка, да не засох ли инжир?!

ПАВЕЛ I. ПРИЗРАК

Как будто в летний вечер или нет,
Скорей не ввечеру, а ближе к ночи,
А, впрочем, летом и не разберешь,
С Куракиным мы вышли на прогулку.
Сопутствовали нам лишь двое слуг,
Какой-то вздорный слух перевирая.
Я обернулся резко, и они
Немедленно умолкли, пристыдившись.

Князь был всегда приятен мне своей
Воспитанностью, тактом, благородством.
Казалось, в темной комнате блистал
Положенный на черный, рыхлый бархат,
Невероятной силы бриллиант,
Но не слепящий – сдержанно лучистый.
Мы вместе и учились, и росли.
Я был такой же щепетильно-честный,
Как он, и доверял ему во всем.
Он обладал врожденным вкусом денди
Откуда-нибудь с Риджен, с Оксфорд-стрит.
Как свой наряд он сочетал со шпагой,
А перстень с табакеркой! Как любил
Алмазами унизанные пряжки!
Подобно даме, изучал с утра
Образчики парчи, шелков и кружев.
Пусть эта тяга к роскоши грешна –
Изнеживает дух, балует тело,
Он все равно мне оставался мил.

Мы шли пустынной улицей, похожей
На Малую Морскую, но не ей.
По правой стороне. А слуги сзади.
Была луна, и белой ночи свет –
Серебряный, холодный, петербургский

Фонарщиков на время упразднил,
Им повелев своих не трогать лестниц.
Я пожалел, что взять не угадал
Какое-нибудь чтение с собою,
Хотя бы Книгу Иова, ее
Я мог бы без свечей читать свободно.
«За что, Господь, Ты борешься со мной?
Не обвиняй меня в моих несчастьях,
Не презирай, но только объясни.»

Мы вышли на Сенатскую. Простора
Прибавилось, и свежести речной
Прохладный ветер наших щек коснулся.
Но, право б, я настаивать не стал,
Что площадь называется Сенатской.
Возможно это я решил потом.

Вдруг незнакомец подступил к нам сбоку
И грузные шаги его в ушах
Звучали так, как будто бы хрустели,
Металлом наступая на гранит,
По камешкам, тяжелые ботфорты.
Я вздрогнул и движение прервал,
Остановившись в непонятном страхе.
Но моментально стихли и шаги
Того, кто к нам приблизился внезапно.
Я снова зашагал, и в тот же миг
Со мною в ногу снова захрустела
Толченой крошки сдавленная дробь,
Тогда как я *своих* шагов не слышал.

И я спросил Куракина, с трудом
Оковы немоты превозмогая:
— Скажи, ты ничего не слышишь, князь?
— Нет, ничего. А что я должен, Ваше
Величество, услышать?

- Звук шагов.
- Моих и Ваших?
- Нет! Других. И как бы
Позвякиванье двух чуть слышных шпор.
- Признаться, нет. Я ничего не слышу.

Но длился и по набережной звук,
За нами следовавший от Сенатской.
Он непрерывно нас сопровождал,
Теперь – меж мною и стеною замка,
Глухой стеною, мрачной, без окон.
Шел чуть левее от меня Куракин,
А справа – незнакомец вдоль стены
Со мной впритирку. Был он много выше.
Ему не доставали до плеча
Углы моей гвардейской «треуголки».
Его скрывал широкий черный плащ,
И я совсем лица его не видел.
Тогда я вновь Куракина позвал:
— Князь, а сейчас ты видишь человека,
Идущего в плаще между стеной
И мною?
— Как же, посудите сами,
Его могу я видеть, если Вы
Идете, со стеной соприкасаясь?
Тут даже не поместится и тень.
— Но человек же – вот он!

Знобкой дрожи
Я испытал пугающий прилив,
Лишь некто, Тот, меня окликнул:
— Павел!
— Что тебе нужно? Кто ты? Кто такой?
— Я тот, кто принимать в тебе участие
Готов. Живи как должно. Но имей
В виду, что в мире этом ты недолго

Пробыть сумеешь – нежеланный гость.
Не торопись привязываться к миру,
И совести укоров не спеши
Презреть в себе, как слабость. Бедный Павел!..
Постичь такие муки, как твои,
Бог назначает лишь душе великой.
С тобой мы скоро встретимся. Прощай!

Закончилась стена глухая справа,
А незнакомец прежде, чем свернуть
За крепостную кладку угловую,
Откинул от лица покров плаща,
И я увидел, помертвев от страха,
Орлиный профиль прадеда Петра,
Тотчас же поглощенный пеленою.
И хруст ботфорт по гравию тогда,
Как и возник, внезапно прекратился.
Я шага сделать более не мог,
Утишить на руках мурашки дрожи.

А князь, прошедший рядом весь наш путь,
Не слышавший шагов потусторонних
И гласа, адресованного мне;
Не видевший ни призрака, ни тени,
Стоял, вращая круглый бриллиант,
Мерцавший сеткой насеченных граней;
Улавливал на перстень лунный блеск –
Увертливый, соскальзывавший мимо,
Забавный... А поймал – и засмеялся.

АЛЕКСАНДР I. ВЕНА

I.

Вначале злоупотребляли
Большим количеством холодных
Закусок и горячих блюд.
К остывшей дичи подавали
Традиционный *рибизель*
(Смородина в толченых сухарях).
Шли «на ура» слоеные салаты,
Проложенные рыбой и сырами;
Салаты по-тирольски (овощные);
Говяжьи (каперс, тыквенное масло).
Ну, а в придачу кнедлики богемцев.
За каждым гостем два официанта
Стояли к услужению готовы.
Потом пошли неведомый *зуппе* –
Протертые супы: супы-пюре.
И это всё перемежали тосты,
Что бороздили море пития.
Как будто подгулявшие фрегаты
Под пестрым разноцветьем долгих флагов
И мишурою вымпелов веселых,
При всем вооруженье парусов,
Рисую мачты, радостно входили
То в бухты леденяще жаркой водки,
А то в проливы рейнского сухого,
Волной колебля стебли белых лилий,
Плеща шампанским выше ватерлиний!

II.

Английский ростбиф, сваренный в кипящем
Бульоне, был заправлен *апфелькреном* –
Приправою, в которой русский хрен,
Свирепо бьющий в нос и без пощады

Слезящий изумленные глаза,
Вдруг как-то полегчал и смягчился
Антоновкой, связавшей Русь с Россией.
Но козырем в борьбе гастрономий
Считался несомненно венский шницель.
Он – кружевной, как маленькая скатерть,
Весь утончен до писчего листа,
Как солнце, на фарфоре золотился
И сицилийским spraysнут был лимоном.
Иной гарнир казался неуместным.
Все согласились с тем, что до цветной
Капусты, запеченной в винном тесте,
Без паузы уже и не добраться.
Пора, пора устроить общий отдых
И объявить на время перемирие
В упорной схватке чар чревоугодья
С потрепанными силами ума,
Сложившими на время полномочья.
Виват единому сердцу держав,
Хотя бы на пирах переговоров!
Дружнее в окружении азалий
Поддержим солидарность государей!

III.

И – музыка наполнила дворец,
Весь Хофбург – оркестровую шкатулку –
Объяла властью венценосных вальсов.
Тур начал император Франц Австрийский.
Разбитый варваром при Аустерлице,
Он дважды Бонапартом был унижен:
На поле боя и в кругу семейном.
Потомок Габсбургов – древнейшей из династий
Был вынужден стать тестем корсиканца,
Всем гулом крови презирая зятя.
Теперь тот пребывал в плену, в изгнание,
А в Вене, здесь, его решалась участь.

За Францем вострепнулись суверены
 И главы иностранных государств,
 Когорта храбрых королей германских,
 А там и все участницы процесса,
 Но не переговорного, отнюдь,
 А дегустационно-карнавальной
 Его, прошу прощенья, «ипостаси».
 Конечно, речь зашла о нежных дамах,
 Похожих на душистые букеты,
 О фрейлинах, о женах, о подругах,
 Собою украшающих собранья
 Порой излишне сдержанных мужчин.
 Улыбка тем, кто делит долг и дам
 С грехом, как говорится, пополам.

IV.

Одну из них кружил король Вильгельм,
 Другую – отпрыск шведского престола,
 А некто, между прочим, танцевала
 Не с кем иным, как с канцлером австрийским,
 Себя именовавшим сокращенно:
Князь Клеменс Венцель Лотар фон Меттерних...
 А если полно, то потом дефис,
 И сразу за дефисом: *Виннебург*
Цу (что за интригующее *цу?*)¹,
 Ну, а в конце совсем демократично:
 Простой, как правда, господин *Бейльштейн*.
 Вот кто затейник Венского конгресса,
 Вот кто собрал колоду королей,
 Валетов, дам, фельдмаршалов и даже
 Трех делегатов пражской синагоги –
 Бородачей в очках и круглых кипах,
 Трех книжников не меньших, чем он сам.

¹ Предлог фамильный. Здесь он означает,
 Что имярек рожден *под* Виннебургом.

А сам он слыл искуснейшим из всех
Творцом дипломатических пасьянсов;
Создателем империи, включавшей
Пять королевств, маркграфства, восемь герцогств;
Упорным пауком наперекор
Безумцу Бонапарту всю Европу
Заткавшим паутиною союзов.
Смотревший вскользь и заходивший косо,
Он поражал картинной лепкой носа.

V.

И все-таки всеобщее вниманье
Скорее привлекал к себе не канцлер,
А русский император Александр.
Он был очаровательно любезен.
Быстр и горяч. Приветлив и красив.
Он влился в тот игривый тон, которым
Прославился флиртующий Конгресс.
Присутствие жены (императрицы)
Ему ничуть не связывало рук.
Попутно романтическое нечто
Он посылал возлюбленной из Вены
на Родину... И посылал с ее же
Законным мужем, как своим курьером.
«Лукавый византиец», – ровно так
Назвал Благословенного когда-то
Читающий сердца Наполеон,
Предупреждая канцлера: «Имейте
В виду, что Александр в себя влюбляет
Всех, с кем судьба его короче сводит.
И я бы мог в него легко влюбиться,
Но что-то не позволило... Точнее,
Меня в нем вечно что-то беспокоит.
А что? Не знаю. Мудрено понять.
Какая-то неведомая мнимость

Таится в нем, меня остерегая,
И эта мнимость каждый раз другая...»

VI.

А между тем пришла пора десертов,
И не напрасно кухни колдовали!
Был подан Императорский омлет
(Пирог с клубникой и лиловой сливой).
Подали редкий мед альпийских роз,
А к меду – листья мяты и бруснику.
Миндальный торт и шоколадный «Захер»,
Одноименным чудо-поваренком
Изобретенный по указу князя.
Китайские чай, меланж по-венски –
Арабский кофе с пышным молоком.
И, как апофеоз, теплейший штрудель,
Чьим тестом тоньше невесомой шали
По всем мадьярским таборам Дуная
Запахивались гибкие цыганки,
А сквозь рядно (по мнению поэтов)
Любовные могли читаться письма,
Явив свои сердечные секреты.
Но штрудель стал лишь пред-апофеозом.
Не он, не он венчал собою пир,
А тот сюрприз, что приготовил гость –
Шестидесятилетний господин
Министр французских иностранных дел
Князь Талейран-Перигор, Шарль Морис.
Да смолкнет здесь амурный пафос текста,
Мелькавший сквозь раскатанное тесто.

VII.

Но прежде, чем именовать подарок,
Попробуем понять: а кто даритель?
Князь Талейран был специальный гость.
Он представлял державу поражения –

Поверженную Францию. Тем паче
Он был почетный специальный гость.
Князь начинал по линии духовной.
Стал молодым епископом в Отёне,
Служа Короне, Церкви, Королю.
Но Революция его перевернула,
Как вертит стрелку компаса магнит.
Он – член Национальной Ассамблеи,
Туз в революционном духовенстве,
И отлучен за это Папой Римским.
Политика – предназначенье князя.
Он больше не играет в баррикады,
Бесповоротно выбрав Бонапарта.
Но служит императору не верно:
Науськивает, втайне предает,
И снова предлагает в оправданье
Свои услуги, опыт, хищный ум.
И власть обвита кольцами удава,
Который уверяет, что все силы,
Всего себя отдаст своей стране.
Так и пирует, двух господ дуря,
Осведомитель русского царя.

VIII.

Пять лет назад князь убедил патрона
(Парижского) освободить народы
Испании от гнета короля..
Наполеон привел туда войска
И просто влип, бездарно влип в войну –
В трясину, в партизанское болото.
А Талейран уже шептал повсюду:
«Какой недальновидный сделан шаг...»
Тут Бонапарт не выдержал. Взорвался.
Войска на время маршалам оставил,
Примчал в Париж и выволок публично
За шиворот министра на ковер:

«Вы – вор и лжец, бесчестный человек!
 Забывший Бога служка, лже-епископ!
 Для вас нет в жизни ничего святого.
 Родной отец для вас предмет торговли.
 В ответ на все мои благодеянья
 Вы и меня уже предать готовы.
 Кто подтолкнул меня к войне с Мадридом?
 Упорно побуждал к неправым казням?
 И кто спокойно умывает руки,
 Все вины на меня перелагая?
 Я вас легко разбил бы, как стекло,
 Но рук марать не стану из презренья.
 Вы – паутина на колоколах.
 Вы – грязь. Вы – мерзость в шелковых чулках!»

IX.

(«Теперь бранитесь сколько вам угодно.
 Где вы – где я, законный представитель
 Страны, спасенной от авантюриста
 Совместно мужеством союзных армий
 И силами здоровыми внутри»).

Их олицетворяет Талейран:
 Предавший Бога, сдавший короля,
 Бесстыдно изменивший баррикадам,
 А ныне предающий Бонапарта
 Даритель оглашенного сюрприза.
 Отряд официантов безупречных
 Под «Полонез» торжественно выносит
 И ставит в центр стола на севрском блюде
 Подарок князя – торт «Napoleon»!
 Он испечен из тысячи коржей,
 Скрепленных заварным туманом крема.
 Он с пылу-с жару вынут из печи
 Кондитеров парижских гранд-бригадой,
 Отозванной из лучших ресторанов
 Сюда для услаждения гостей.

Торт изукрашен картою Европы,
Готовой к разделенью на куски
Согласно резолюции Конгресса
«О временном итоге шкурных прений».
В чью пользу совершается дележ?
В ту, чей коварней ум, длиннее нож.

Х.

Подумаем про ценность документа
«О временном итоге шкурных прений».
Вердикт вниманья нашего достоин.
Итак, итог. Он не бывает вечным,
«Незыблемым», как говорят эксперты.
Всегда он промежуточен, текуч.
Приходит время, смешивая карты,
Чтоб подвести черты совсем другие.
И бескорыстных прений не бывает,
Когда заходит речь о дележе
Земель и кровью купленных трофеев.
Ученый червь, точащий Книгу знаний,
Способен к бескорыстному служенью:
Он следует за мыслью Провиденья,
В том находя призыванье и отраду.
«The aim of Science – Благая цель науки
Есть – is to lead – движенье – our mind
Following – (внемлем!) – the Creator's reason» –
Сознанья нашего за помыслом Творца.
Такую эпитафию оставил
Своим потомкам Исаак Ньютон.
Тогда по аналогии искусство –
Движение сверхчувственного вслед
Таинственному духу Провиденья.
Искусство и наука с двух сторон
Находят вещей смысл и верный тон.

XI.

Таких приоритетов нет у тех,
 Кто посвятил себя завоеваниям
 Или защите отчих рубежей,
 Морей и недр, гор и кормилиц-пашен;
 Кто умножает силу царств земных,
 Распределяет полномочья власти.
 Не истины, единые для всех,
 Их занимают, не пути Господни,
 А вызовы изменчивых времен.
 Политику питают интересы.
 Отстаивает их успешней тот,
 Кто лицемерней, лживей, вероломней,
 Проворней, изворотливей своих
 Коллег, не столь же ярко даровитых.
 Кто преуспел с возгонкой ложных слухов,
 Кто магией актерских превращений
 На мировых подмостках овладел.
 Кто говорит одно, творит другое,
 А думает четвертое, оставив
 Свободным, не загадывая, третье,
 О чем он сам еще не помышляет,
 О чем и Божий Промысел молчит.
 Таков невозмутимый Талейран,
 Занесший нож над именем патрона.
 И вот предательств многомерный гений
 Врезает сталь в итоги шкурных прений.

XII.

Громадный куш – «Ломбардия с Миланом» –
 Без лишних слов ушел в тарелку Франца.
 «Венеция» – сладчайший куш – досталась
 Ценителю изящного Бейльштейну
 (То есть всё той же Габсбургской короне).
 «Саксонию» заполучил Вильгельм –

Один из первых королей германских.
Тут русский царь поймал глазами князя –
Хромца, хлопчущего над столом,
И князь вручил ему с поклоном «Польшу»
На острие десертного ножа.
Сошлось! Стал император королем
Еще и Царства Польского, расширив
На запад территорию державы
И без того, признаться, необъятной.
Но либерал своих начальных лет,
И филантроп и обожатель женщин
Уже давно короной тяготился,
Клонясь в келейных помыслах к скиту.
Возможно бы теперь Наполеон
Какую-то совсем иную мнимость
В нем уловил, но вряд ли б и тогда
Смог разгадать ее живую тайну.
К ней не приблизит нас и Таганрог,
Где скрипнет створкой двери за собой
Царь, утомленный собственной судьбой.

* * *

До корня вытоплены свечи.
Померкло памятное вече.
Там были все. А я там нé был,
Со всеми вместе пива нé пил,
И мед альпийский горных пчел
Усов моих не предпочел.
Он не потек по ним спроста,
Но вкус представили уста.

НИКОЛАЙ I. СМОТРЫ

1.

Он все видит, он все слышит,
Тайных помыслов знаток.
У него женою вышит
Мелким крестиком платок.
У него рука в перчатке
Сжата в виде кулака,
И гуляют по сетчатке
Грозовые облака.
Если что-то не по нем,
В пять секунд спалит огнем,
Чтобы знали прекословы,
Чем опасен Отчий гром.
Трр-ам!

В двенадцать часов пополу-
дни с фланга встает барабанщик.
На лямке висит перед ним
Его инструмент громогласный,
Как бочка, чей верхний торец
Затянутый кожей свиною,
Растрескан усердием двух
Дробящих его колотушек.
Левее встают егеря,
Равняют ряды гренадёры –
Обидчики польских свобод,
Смирители смуты венгерской.
Трр-ем!

Царь все видит, царь все слышит.
Север. Запад. Юг. Восток.
Под царем кобыла пышет,
Распускаясь, как цветок.
У нее в копыте перстень –

Чистокровный изумруд.
Он подарен шахом Персий.
Кто увидят, те замрут.
Если что-то не по ней,
Скаковых сметет коней.
Да познают нечестивцы
Гневный жар ее очей.
Трр-им!

В двенадцать часов пополу-
дни нервный флейтист голосистый
Военную дудку свою
Отрывисто так продувает.
Расшитые куртки гусар,
В доспехах стальных кирасиры
Тасуют порядок шеренг,
Равняясь на правофланговых.
Летят командиры туда,
Летят командиры оттуда,
Как будто бы их обуял
Вдруг приступ сенной лихорадки.
Трр-ом!

Царь все слышит, царь все видит,
Он один и царь, и Бог.
Если враг на нас и выйдет,
Не застанет нас врасплох.
А пока свои ребята,
Как осенний лист, дрожат.
Всё волнением объято,
Каждый смотрами дожат.
Наподобие осин,
Полк трясется кирасир,
И уже едва не плачет
Фитингофер – командир.
Трр-ум!

В двенадцать часов пополу-
 дни доблестных войск Император,
 Кобылу подняв на дыбы,
 Кричит, дескать, «Но! – вороная...»
 И к воинству скачет, пыля,
 Со свитой седых полководцев.
 Как солнце, горит его шлем.
 Как солнце, слепит генералов.
 На фланге гремит барабан,
 Свистит сумасшедшая флейта,
 Когда перед армией: «Тпру...» –
 Себя тормозит самодержец.
Трр-ам! Трр-ем!

Марш – вперед! Красавиц взоры
 Увлажнились и не зря,
 Как шагнули гренадёры,
 Колыхнулись егеря.
 Как пошли по плацу цокать,
 Восхитив крещёный мир,
 Локоть в локоть, локоть в локоть
 За гусаром кирасир.
 Показали подлецы,
 Как их строили отцы.
 Но особенно гляделись
 Фитингофера птенцы.
Трр-им! Трр-ом!

Двенадцать часов уж когда
 Отбили в столице куранты,
 И пушечный выстрел затих,
 Распавшись над синей Невою.
 Теперь генералов тесней
 В кружок Николай собирает,
 И каждому тайный пароль
 И лозунг он на ухо шепчет.

«Россия» – тот славный пароль,
И «Смотр» – тот таинственный лозунг.
Их впредь надлежит повторять
Не реже иного, а чаще.
Трр-ум! Брр!

Где – отлично, в чем – промашка,
Подведя всему итог,
Царь из заднего кармашка
Вынул шелковый платок,
Чтоб не обшлагом мундира
Смазать слезы старика –
Боевого командира
Кирасирского полка:
«Фитингофер, полно, граф...
Запечатай полк свой в шкаф.
Пусть найдут кавалергардов
Лучше, если я не прав!»

2.

Император стоит на плацу,
И текут у него по лицу
Две налитые солью слезы –
Две печальницы Крымской грозы.

Пред монархом проходят войска,
Отдают ему честь у виска.
И творят канониры салют,
Точно в траурный колокол бьют.

На колени встает Николай:
«Ты прости мне, Господь, не карай!
Я б собой Севастополь закрыл...
Пощади меня, Боже, за Крым!

Для того ли я мира искал,
Чтобы жерла английских эскадр,
Что гранит своей мощью крошат,
Ты нацелил, Творец, на Кронштадт?

Не казни Ты меня, хоть во сне,
За предместья Варшавы в огне;
За – цыганскою кровью мадьяр
Над Дунаем дымящийся яр...

От раба покаянье прими,
И пути мои, Отче, спрями.
О, развей по ветрам воронье,
Что слетится на Царство моё!»

Но не склонен смиряться Господь
И щадить покаянную плоть
У преддверия гроба на том
Царь-плацу – петербургском, пустом.

СТАРЫЙ САД

Эссе

Что такое: восприятие мира художником?

В чем секрет гармонии искусства и природы; той гармонии, которая воплощается в каждом состоявшемся творческом акте?

По какому «гамбургскому счету» испытывает художник сделанное им?

Попытаемся понять это на примере одного пейзажа, частного наблюдения, поднявшегося до высоты обобщенной метафоры.

Обратимся к шестой главе «Мертвых душ» – гоголевскому описанию сада в имении помещика Плюшкина.

Освежающая живописность опустения

Бричка коллежского асессора Чичикова въезжает в большое село, выбирает направление барского дома и далее вдоль него, подпрыгивая на бревенчатой мостовой, катит к воротам. Дом выглядит каким-то *странным замком*, непомерно растянутым и дряхлым, да и крестьянские избы поражают своей убогостью. Они чернеют *даже не живописно*. В изломанности, растресканности, косине и шаткости всего вокруг взгляд ни в состоянии уловить и намек на красоту, хотя бы давнюю, былую. Красота убита нищетой и какой-то вопиющей безвкусицей гордыбы, нагроможденной кругом, как ни весть что. Сразу видно: здешний человек в силах попать природу, но не может соединить ее с искусством, поскольку искусство ему не ведомо.

Однако такое невыгодное впечатление о местоположении усадьбы длится ровно до тех пор, пока путник и неразлучный с ним автор не обращают внимания на нечто, раскинувшееся за барским жилищем.

*Старый, обширный, тянувшийся позади дома сад, выходящий за село и потом пропадавший в поле, заросший и заглохлый, казалось, один освежал эту обширную деревню...*¹

Первая условность. Если бричка не объехала сад со всех сторон, а сад обширный, и она его не объехала, потому что Чичиков едет по делу, ему некогда осматривать сады, то откуда тогда известно, что сад выходит за село и пропадает в поле? Буквально автор этого не видит, тем более, что сад уже давно скрыт за домом, но он это знает, и из этого знания он «видит» обращенным в себя взором, остротой и резкостью превосходящим взор во вне, что из всего вокруг сад *один был вполне живописен в своем картинном опустении.*

Своеобразная красота сада – красота *опустения*, по всей вероятности, настолько безразлична Чичикову, насколько поражает автора, и Гоголь, пользуясь правом авторских отступлений, надолго покидает своего героя.

Освежающая живописность опустения – вот первая, самая общая мысль, которая возникает при виде плюшкинского сада, и мысль эта парадоксальна. Опустение освежает, опустение живописно. Не хозяйственный порядок, наполненный привыкшими к своим местам вещами, но опустение, заросшесть, заглохшесть отпущенной на волю природы. Какое противоречие с *не живописной* чернотой человеческого бытования! Казалось бы опустение и тут и там, но сад освежающе живописен, а деревня до затхло-сти безобразна. В чем дело?

Зелеными облаками и неправильными трепетолитными куполами лежали на небесном горизонте соединенные вершины разросшихся на свободе дерев.

¹ Здесь и далее цитируется по изданию: Н. В. Гоголь. Собрание сочинений в шести томах. Том пятый. М., 1949. С. 111–113.

Купола (купы) трепетолистны (гоголевский эпитет) и неправильны – еще один грошик в копилку запустения. «На свободе» деревья так разрослись, что их купы стали мешать друг другу, и купола переплелись, искривились.

Береза

Вторая условность. Если, говоря о границах сада, Гоголь знает больше, чем видит, то отныне и до конца отрывка он видит больше, чем знает; и его видение превращается в знание. Но чтобы столько и так увидеть, надо по крайней мере допустить, что бричка остановилась, и зачарованный автор вышел из нее к неудовольствию скупщика мертвых душ, спешащего сделать очередное «взаимовыгодное» приобретение.

Белый колоссальный ствол березы, лишенный верхушки, отломленной бурей или грозой, подымался из этой зеленой гущи и круглился на воздухе, как правильная мраморная сверкающая колонна;

Первая ассоциация с искусством: березовый ствол круглился (гоголевский глагол), как мраморная колонна, и колонна правильная в отличии от древесных куп: на их кривизну влияет их собственная экспансия – безграничная экспансия живого, а круглящаяся правильность ствола, его твердая геометрия и отполированная белизна находятся в руках скульптора. Оставаясь живым, ствол уподоблен произведению искусства и потому обретает классическую правильность. Именно здесь и начинаются ответы на вопрос: «В чем дело?» Пейзаж вбирает в себя искусство, пока только как уподобление. Деревня к подобным сравнениям не располагала.

А метафора разворачивается дальше:

косой остроконечный излом его, которым он оканчивался кверху вместо капители, темнел на снежной белизне его, как шапка или черная птица.

Вероятно, сравнение ствола с колонной показалось Гоголю слишком простым, и он усложнил его капителью

излома, который *темнел на снежной белизне*, но мало того, что темнел, а еще и темнел, как *черная* птица.

Хмель

Статика древесных куп, неподвижность березовой колонны волшебным образом оживляются вьющимся хмелем. Согласно одной из этимологических версий, слово *хмель* означает шарящий, ощупывающий. Завиваясь вверх по часовой стрелке, растение как бы шарит в воздухе, ощупывает его, выбирая вектор и угол подъема. Можно пошутить, что оно точно само «под хмельком» в поисках пути, подобно гуляке, «взвинтившемуся» от кружки хмельного пива.

Хмель, глушивший внизу кусты бузины, рябины и лесного орешника и пробежавший потом по верхушке всего частокола,

В нашем представлении *частокол* – нечто мертвое: забор из частых кольев или штакетника, защитная городьба. Гоголь расширяет значение слова, перенося его на живую природу, подчеркивая, насколько густыми были заросли бузины, рябины и лесного орешника: как *частокол*, сквозь который не пробраться.

А хмель, стлавшийся понизу, взбегал наконец вверх и обвивал до половины сломленную березу. Достигнув середины ее, он оттуда свешивался вниз и начинал уже цеплять вершины других деревьев или же висел на воздухе, завязавши кольцами свои тонкие цепкие крючья, легко колеблемые воздухом.

Массивное (деревья, ствол березы), сцепившееся густое (кусты внизу) оживляется подвижным и почти невесомым хмелем, *легко колеблемым* от воздушных дуновений.

Мелькающее в глубине

Историк литературы Павел Анненков, друживший с Гоголем и живший у него в Риме летом 1841 года, когда писатель работал над «Мертвыми душами», приводит его слова: «Если бы я был художник, я бы изобрел особого вида пейзаж. Какие деревья и ландшафты теперь пишут. Все ясно, разобрано, прочтено мастером, а зритель по складам

за ним идет. Я бы сцепил дерево с деревом, перепутал ветви, выбросил свет, где никто не ожидает его, вот какие пейзажи надо писать!”¹ Обратим внимание на то, что, по Гоголю, пейзаж не копия природы, но изобретение художника. Пейзажи изобретают, а не списывают с природы. Мастер нужен не для того, чтобы провести зрителя между подстриженными боскетами регулярного французского парка, лишённого неожиданности, тотчас узнаваемого, а для того, чтобы заманить знатока в чащобу своего воображения: сцепить деревья – перепутать ветви – выбросить свет! Работая над шестой главой «Мертвых душ», автор предоставил себе такую возможность в литературном пейзаже – в описании сада Степана Плюшкина, хотя первоотолчком Гоголю, вероятно, послужил подмосковный сад известного скопидома историка Погодина и он сам – но только первоотолчком, а не моделью для копирования.

Местами расхотелись зеленые чащи, озаренные солнцем, и показывали неосвещенное между них углубление, зиявшее, как темная пасть; оно было все окинуто тенью,

Если озаренные солнцем зеленые чащи не смыкаются, а *расходятся*, то мы вправе ожидать, что там – в прогале – всё станет наполнено светом. Ан нет. Совсем наоборот. Чащи *расходятся*, чтобы обнажить тьму – *углубление, зиявшее, как темная пасть*. Игра света в природе причудливей наших представлений о ней. Блеск и тени, отсветы и трепетания пятен бывают сказочно необъяснимы так, что художнику в их изображении остается лишь довериться своей интуиции, и она его не подведет. Неосвещенное углубление возникло в картине сада там, где казалось бы всё должно было быть залито солнцем. Но этого не произошло. Однако углубление не поглотил и абсолютный мрак. Именно оно в своей приоткрытой, брезжущей сокровенности оказалось центром композиции, насыщенным действующими лицами этого на диво изобретенного пейзажа:

¹ П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 77.

и чуть-чуть мелькали в черной глубине его: бежавшая узкая дорожка, обрушенные перилы, пошатнувшаяся беседка, дуплистый дряхлый ствол ивы, седой чапыжник,

Подумайте, сколько всего лишь *чуть-чуть мелькает в черной глубине!* Сколько всего тонет в полумраке, окутанное магией прошлого, страхом чашобы, тайною старости! Узкая дорожка. Обрушенные перила. Пошатнувшаяся беседка. Дряхлый ствол. Седой чапыжник. И всё несет на себе следы минувшей или приближающейся к своему исходу жизни. Искусство проявляется здесь уже не метафорически (сломанный березовый ствол, как колонна с капителью), а наяву, в остатках садово-парковой архитектуры (дорожка, перила, беседка). Сад не был порождением одной только природы. Когда-то искусство зодчего касалось его черт, придавая известный комфорт естественному ландшафту. Однако ныне, лишенный этого комфорта, старый сад выглядит куда более трогательным, нежели выглядел бы он размеченный широкими, чисто выметенными аллеями, разгороженный мостиками под новенькими перилами, украшенный беседкою, блещущей липкою еще краской. Нет, здесь речь не о парковом комфорте, но о течении жизни. Время мирволит стихийному разрастанию одного живого, глушащего другое живое, и увяданию, рассыпанию, забвению людских творений, и мы ощущаем это со смешанным чувством вызова и печали. Потому-то сходит на нет тот самый чапыжник,

густой щетиною вытыкавший (гоголевское причастие) из-за ивы иссохшие от страшной глушины, перепутавшиеся и скрестившиеся листья и сучья,

Здесь – в литературном пейзаже – воплотилась авторская мечта. «Я бы сцепил дерево с деревом, перепутал ветви...» Перепутал, сцепил. А какая пугающая и шипящая звукопись чащи наполняет саму музыку речи: *...щетиною... иссохшие от страшной глушины, перепутавшиеся и скрестившиеся...*

Так по крошке, по щепотке, по мазку складывается картина, исполненная Божьего дара. Сломленная береза, вьющийся хмель, иссохший чапыжник

и, наконец, молодая ветвь клена, протянувшая сбоку свои зеленые лапы-листья, под один из которых забравшись бог весть каким образом, солнце превращало его вдруг в прозрачный и огненный, чудно сиявший в этой густой темноте.

«Я бы... выбросил свет, где никто не ожидает его...» Выбросил. Озарил всю напряженно сгустившуюся темень. Нашел и ярко поставил в ней свой внезапный акцент. Солнечно зажег и высветил пятипалый кленовый лист!

Осталось бросить взгляд в сторону, словно выбравшись из надолго затянувшей нас глубины, чтобы увидеть как

В стороне, у самого края сада, несколько высокорослых, не вровень другим, осин подымали огромные вороны гнезда на трепетные свои вершины. У иных из них отдернутые и не вполне отделенные ветви висели вниз вместе с иссохшими листьями.

И странно, но эти безжизненно повисшие, надорванные ветви с редкой, уже помертвевшей листвой, не разрушают, а лишь оттеняют ощущение прекрасного, вызванное всем предыдущим, и тоже становятся неотъемлемой чертой пейзажа, как непременная часть круговорота жизни и смерти.

Секрет гармонии

Словом, все было хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда они соединятся вместе, когда по нагроможденному, часто без толку, труду человека пройдет окончательным резцом своим природа, облегчит тяжелые массы, уничтожит грубоощутительную правильность и нищенские прорехи, сквозь которые проглядывает не скрытый, нагой план, и даст чудную теплоту всему, что создано в хладе размеренной чистоты и опрятности.

Гоголь сам отвечает на вопрос: «В чем дело?» Почему запущенная деревня безобразна, а запущенный сад прекрасен? Деревня лежит в пыли, в грязи, в разрухе. Ее хочется вычистить, сделать аккуратной. Но чистота

и опрятность холодны. Они должны быть нарушены, степлены, только нарушены не нарочито, а естественно. То, что в деревне – не выметенный мусор, то на дорожках сада – уклонившаяся от нашей опеки красота опавшей листвы. Стихийность разрастания следует укротить, однако план укрощения не должен быть *нагим*, правильно-однообразным, как умышленная разметка версальского парка с его утомительной, нигде не нарушаемой симметрией аллей, боскетов, клумб и фонтанов. Версаль – антипод русской деревни, но противоположности сходятся. Труд человека (часто грубый, бестолковый или организующий пространство по формальному признаку) вторгается в природу с тем, чтобы ее поправить (помещичья деревня); с тем, чтобы ее уныло упорядочить и тоже подчинить себе (Версаль), но природа противится такому беззастенчивому вмешательству в свои права и, пользуясь случаем (нерадивостью хозяина), корректирует планы зодчего (сад Плюшкина).

А, впрочем, какой сад? Откуда – сад? Где вы видите цветущие яблони? Где ягоды, наливающиеся вишневым соком, или ветви сливы, обламывающиеся под тяжестью подернутых инеем плодов? Куда делись торчащий крепкими иглами крыжовник и кусты ежевики? А цветы? Может быть, это сад цветов? Но ни на один из них нет и намека. Разве березу и осины теперь называют садом? Это – сорный лес, предшественник благородной дубравы, которая, Бог даст, произрастет здесь еще через сотни лет. Или садом отныне считают заросли бузины, рябины, *лесного* орешника? Да это не сад Плюшкина, а лес Плюшкина! В лучшем случае – заросший парк Плюшкина. Отчего же Гоголь назвал его садом, предворяя наше знакомство с барским домом, который доведен хозяином-скаредом до того же состояния, что и его деревня? «Юмористический оттенок, удивительно грациозно замешанный в его слова» (Анненков), позволил автору скрыть улыбку под изобразительной мощью и серьезностью описания. Пейзаж не

написан с натуры. Пейзаж не воспроизведен по памяти. Он придуман, и выдумка с оттенком юмора дала возможность переименовать лес в сад. К тому же когда-то, в стародавние времена сад, действительно, мог быть на этом месте, но погиб, незащищенный от натиска дикой природы. Пейзаж смешан и переплавлен художником из разрозненных впечатлений виденного в разных местах, в разное время, и переплавлен с такой убедительностью, что по сравнению с достигнутой правдой вымысла уже сама, один к одному оттиснутая правда, покажется однобокой, почти вымыслом, ибо правда художника есть правда многообразная, развернутая во времени, обогащенная другими правдами; такая, чья точечная конкретность поднимается до обобщенной метафоры.

Танец с зонтиком

Отдельная статья – отношение автора к своему произведению.

Опыт показывает, что в момент работы автор должен испытывать восторг перед тем, что и как он создает, чувствовать себя полубогом, маленьким спутником большого Творца, постигающим Его тайную волю. Чтобы увлечь других, необходимо самому жить собственным творением. Но когда точка поставлена, когда искра высечена, а дерзость исчерпана и пыл погас, взглянув на созданное холодным взором, автор способен дать более трезвую оценку сделанному. И тем не менее она может сколько угодно колебаться между хвастливой надменностью и ядовитым самоедством. Первое – противно для окружающих, второе – разрушительно для автора. Однако сознание значительности сделанного тобой принимает порою такое органичное выражение, которое благополучно минует обе крайности: и неловкость самовеличания и стрельбу отравленными стрелами по собственному престижу.

В Риме летом 1841 года Анненков ежедневно посвящал один час механическому, но волновавшему его

труду – помогал Гоголю в качестве переписчика. Под торжественную диктовку автора он записывал набело «Мертвые души». Постепенно дело дошло до шестой главы, до фрагмента, интересующего нас в особенности.

«Никогда еще, – вспоминает Анненков, – пафос диктовки не достигал такой высоты в Гоголе, сохраняя всю художественную естественность, как в этом месте. Гоголь даже встал с кресел (видно было, что природа, им описываемая, носится в эту минуту перед глазами его) и сопровождал диктовку гордым, каким-то повелительным жестом»¹.

Завершив работу, он предложил: «...пойдемте смотреть сады Саллюстия... По светлому выражению его лица, да по самому предложению видно было, что впечатления диктовки привели его в веселое состояние духа... Гоголь взял с собой зонтик на всякий случай, и как только повернули мы налево от дворца Барберини в глухой переулок, он принялся петь разгульную малороссийскую песню, наконец, пустился просто в пляс и стал вывертывать зонтиком на воздухе такие штуки, что не далее двух минут ручка зонтика оставалась у него руках, а остальное полетело в сторону. Он быстро поднял отломленную часть и продолжал песню. Так отозвалось удовлетворенное художественное чувство: Гоголь праздновал мир с самим собою...»²

Нет сомнения в том, что он вполне осознавал, какой *сад* явил силою воображения, ёмкостью и совершенством лирического высказывания, которые только усилились произнесением вслух этой музыкально организованной речи. Счастье от каскада поэтических открытий переполняло его, чтобы выплеснуться не в похвальном или самоумоляющемся слове, а в народной песне, в никому не ведомом танце с зонтиком посреди глухого римского переулка, где, кроме Анненкова, никто не мог видеть танцора, и никто не мог разделить с ним его ликования. Счастье

¹ П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 66.

² Там же. С. 66, 67.

выплеснулось само собой, приняв неожиданную форму цирковой эксцентрики: как будто от избытка чувств заезжий клоун на свободно висящей проволоке, балансировал зонтом с такой рьяностью, что балансир не выдержал и разлетелся. Подобных мгновений в жизни художника, как и таких садов, не может быть много, и только он сам прежде и помимо общественного признания или приговора способен уловить, насколько удалось постичь ему дух Творца не в церковной молитве, не в Божественном песнопении, не в благопристойной проповеди, а в описании заглохшего, вымышленного сада, принадлежавшего никогда не жившему на свете скопидому – несчастному помещику Плюшкину.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНИЯ И СЛОВО. *Эссе* 7

СТИХИ

I

Природа	13
Гусельки	14
Отвар	15
Пятеро с веткой укропа	17
Крендель	18
Перчатка, <i>легенда</i>	20
Танго с закрытыми глазами	22
Месье Бежар, <i>французская комедия</i>	23
Видение	25
Рыцари майской травы	26
Филин	28
Бега	29
Движение	31
Шью гвоздем!	32

II

Воробей	34
Космос	35
Козьма Прутков	36
Дым	37
Качель	38
Арап	40
Часовой	41
Козырек	44
<i>Вариации на темы</i>	
Позабыт, позаброшен...	45
Не осенний мелкий дождичек...	46
Отрада	47
Барыня	48
Мать-электричка	49
Тити-Мити	49

III

Римский марш	52
Старый герб	54
Запарка	55
Все на рынок!	56
Режим	57

Лента строф

Свобода совести	58
Большой спорт	58
Почерк	59
«Роскос»	59
Идиллия	59
Сулейман	60
Подозрительная командировка	60
Гонка	61

IV

Деревня	62
Рокировки	63
Добрый пастырь. Объявления	66
Всадник	67
Менталитеты	68
Словарь	69
Айбуллит	70
23 декабря	71
Грачи прилетели	72
У реки	73
Желание	75
Пространство	76
Космическая пирамида	77
Тост	78

ИМПЕРАТОРСКИЙ ТЕАТР. *Сцены*

Петр I. Приказы	81
Екатерина II. Семейное	84
Павел I. Призрак	86
Александр I. Вена	90
Николай I. Смотры	100

СТАРЫЙ САД. <i>Эссе</i>	107
-----------------------------------	-----

Художественное издание

Алексей Евгеньевич Смирнов
ИМПЕРАТОРСКИЙ ТЕАТР

Издатель *Леонид Янович*
Корректор *Ольга Крупченко*
Художник *Владимир Хананов*
Верстка и оригинал-макет *Михаил Щербов*

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый Хронограф»
Контактный телефон в Москве: +7 (916) 651-30-94
по вопросам реализации: +7 (985) 427-91-93
E-mail: nkhronograf@mail.ru
Информация об издательстве: www.novhron.info

Подписано к печати: 29.02.2020
Формат 60 × 90 / 16, бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 7,5 печ. л.
Тираж 200 экз
Отпечатано в «Т8 ИТ»

ISBN 978-5-94881-475-9

9 785948 814759

МОСКВА НОВЫЙ хронограф 2020

